
Все началось с того, что у меня развалилась машина. Я возвращалась из Гданьска в Варшаву и за Пасленком решила заехать в лес, пособирать цветочки. Собственно, это были и не цветочки, а какие-то веточки, намеревающиеся что-то из себя выпустить. Была первая половина марта, несколько дней стояла чудесная погода, светило солнце, и флора успела отреагировать.

Въезд в лес — небольшой пяточок, будто специально приспособленный для разворота и выезда, — выглядел сухо, заманчиво, невинно, и я поддалась иллюзии. Пяточок оказался болотом, в котором мой «фольксваген» забуксовал навечно (если вы спросите, почему я пересела на эту развалюху и куда подевался мой новенький «ягуар», я когда-нибудь вам расскажу; но это грустная история).

Конечно, можно было остановить кого-нибудь на шоссе и вызвать помощь, но такое простое решение проблемы в голову не пришло. Из мыслей, которые в ней возникли, одна казалась особенно ценной, а именно — подождать лета, когда все высохнет и затвердеет, и тогда уже выехать. Оценив гениальность идеи, я, вместо того чтобы придумать, впала в дикую ярость, перемесила

колесами половину лесной растительности и наконец выкарабкалась задом из этого болота с ревом, достойным утопающей коровы. «Фольксваген» был достаточно потрепанным, потому не выдержал и в районе Млавы разлетелся на мелкие кусочки. Не внешне, естественно, а где-то там внутри, в двигателе.

В Варшаву я прибыла на буксире, оставила машину в мастерской и стала пользоваться муниципальными средствами сообщения, в основном скоростными автобусами, полностью исключив такси — поездки автомобилем в качестве пассажира меня невыносимо раздражают.

Поздним вечером я возвращалась от знакомых из Старого Мяста. Я еще не осознавала себя пассажиром, не обращала внимания на бег времени и не подумала, что автобусы в один прекрасный момент просто исчезают. Это открытие я совершила внезапно и перепугалась так, будто мне угрожала как минимум вселенская катастрофа. Я на полуслове закончила светскую беседу и выбежала так быстро, что не успела бросить взгляд в зеркало и поправить прическу. На моей голове был парик, который, как я чувствовала, слегка перекосялся и образовал идиотскую челку; макияж, конечно, размазался, но вероятность встретить человека, которому стоило

понравиться, казалась ничтожной. На улицах было темно, мокро и пусто.

Выходя с Замковой площади в Краковское предместье, я увидела идущего навстречу мужчину, который, заметив меня, отреагировал очень странно. Он резко остановился, на лице его появилось выражение удивления, ошеломления и полного восторга, его ноги сделали два шага, после чего приросли к тротуару. Я не хочу сказать, что никогда в жизни нигде и ни в ком не вызывала восхищения, но тем не менее такое явное потрясение показалось мне излишним. Я попыталась вспомнить, не знакома ли с ним, случайно, и решила, что должна выглядеть исключительно глупо, прошла мимо этого застывшего столба и удалилась в направлении автобусной остановки.

Застывший столб, наверное, снова превратился в человека и оторвался от тротуара, потому что, выходя из автобуса, я увидела его снова. Давешний прохожий ехал в том же автобусе и вышел через вторые двери. Смотрел он на меня с таким страшным напряжением, что перед его взглядом сгущался воздух. Когда я шла домой, он плелся позади, не отрывая взгляда от моей спины. Это меня тревожило — я боялась, что он войдет за мной в подъезд, — и в арке, обернувшись, пронзила его взглядом, от

которого всякому полагалось бы помереть на месте. Не скончался он только потому, что под аркой было темно и прочесть мое беззвучное послание ему не удалось. Зато сам он оказался под фонарем, и я смогла к нему присмотреться. Он меня заинтриговал — довольно высокий, очень худой, черноволосый и темноглазый, с выступающим орлиным носом, в возрасте около сорока лет, одет хорошо, аккуратно и даже элегантно. На лице его читалось какое-то благородство, он вовсе не производил впечатления человека, способного на идиотские *coup de foudre*¹ посреди улицы и на примитивное донжуанство. Его настойчивое внимание и восторженный взгляд были абсолютно непонятны. Вообще-то выглядел он элегантно и симпатично, но мне не понравился — не выношу я орлиных носов.

На следующий день я сталкивалась с ним в универсаме и других местах. Он вился вокруг меня, как пес возле мяса, и настойчиво пожирал взглядом. Я посмотрелась в витрину — как ни жаль, у него не было никакого осмысленного повода сходить от меня с ума.

Но на следующий день имело место событие прямо противоположное. Я вышла из дома очень рано,

¹ Любовь с первого взгляда (*фр.*).

в половине девятого, отправилась на остановку и села в скоростной автобус «Б». Скорее всего, о чем-то думала, хотя в такое время за это поручиться нельзя, в любом случае окружающих я не замечала. Только недалеко от площади Унии я обратила внимание на человека, сидящего напротив.

В автобусе было пусто, никто его не заслонял. Человек задумчиво всматривался в пространство. И излучал сияние. Он был таким светлым, что я бы заметила его даже в густой толпе, что тут говорить о пустом автобусе!

Глаз машинально зарегистрировал увиденное. Автобус ехал. Мой визави задумался. Поскольку делать все равно было нечего, я смотрела на него. И наконец у меня появились мысли.

Я стала думать, кем он может быть. Неизвестно почему, сразу стало понятно, что по профессии он должен быть журналистом. Больше ничего не подходило. Потом я подумала, что у него есть или хорошая машина, или необычайно красивая жена. Машины у него нет, потому что он едет автобусом, остается жена... Правда, я тоже еду автобусом, хоть у меня и есть машина, но у него должна быть более солидная машина, а если ее нет, значит, должна быть необычайно красивая жена. Я представила себе эту жену: она должна быть худой, черненькой,

со стянутыми в хвост волосами (даже без начеса), одетой во что-то зеленое. Лучше всего в замшу. Потом мне показалось, что она его не любит или любит недостаточно, слишком мало и эгоистично, и вообще — она ему не подходит. Полная идиотка — такому парню!..

Потом с внезапным сожалением я уныло подумала о том, о чем должна была подумать с самого начала, — мною он никогда не заинтересуется. Воплощение моей мечты — блондин того особенного типа, который преследует меня на протяжении всей жизни и у которого я не имею никаких шансов. На меня тарасит свои дурацкие зенки чернявый придурок, а этот разве посмотрит? Такому я ни к чему. Чудовище, черт меня подери...

Из автобуса я вышла в расстроенных чувствах, расправилась со всеми неприятными делами, которые вытащили меня из дома на восходе солнца, сделала покупки в «Деликатесах» в «Новом мире» и снова увидела настырного кретина с орлиным носом. Он поклонился мне — законченный идиот.

Следующие два дня я встречала его на каждом шагу, это все больше и больше выводило меня из себя. Как получается, что весь город заполнен одним человеком? Если бы не видение в скоростном

автобусе «Б», я, может, и отнеслась бы к нему получше, но после сравнения он вызывал во мне одну неприязнь. В Центральном универмаге одним только поклоном он настолько вывел меня из себя, что я чуть было не вызвала революцию у прилавка с бюстгальтерами, проинформировав покупательниц, что такие вещи на глаз не покупают, потому что прилюдно не носят, и меряют на фигуру, а не на свитеры и пальто. Из возникшего скандала я выбралась с нормальным настроением, поскольку сама ничего не покупала.

Черный псих с орлиным носом не отрывал от меня восхищенного взора. Он переждал переполох в бюстгальтерах, вытерпел косметику, чулки и белье и у мужских подштанников наконец подошел. Я сразу подумала, что место он выбрал самое романтическое.

— Прошу прощения, — несмело и смущенно произнес он. — Вас, наверное, удивляет, что я уже несколько дней за вами наблюдаю. У меня есть для этого причины, и, если вы не против, я хотел бы их изложить.

Голос у него был милый и культурный, он и в самом деле производил приятное впечатление. Моя неприязнь к нему объяснялась исключительно блондином из автобуса.